спорадически и только в украинском языке входят в общий словарный фонд. Это дает основание предполагать их принадлежность в XII веке языку той местности, из которой вышел Даниил.

Встречается у него также характерное в украинском синтаксисе употребление предлога „на“ для обозначения движения в определенном направлении, как, например, в народной песне „Пішла мати на село“: „Явися Луце и Клеопе, идущема има на село от Иерусалима“.[1]

Наконец, обращает внимание приводимый Даниилом плач богородицы.

П. А. Заболотский говорит о нем, что плач в „Хождении“ Даниила „является отличным от всех известных многочисленных плачей“.[2] Плачи богородицы проанализированы в работе І. Свенцицкого „Похоронні голосїня і церковно-релігійна поезія“.[3] Он рассмотрел плачи богородицы в письменности разных народностей и эпох, начиная от древнейшего греко-христианского плача у Ефрема Сирина; но плач, приведенный Даниилом, не упоминается Свенцицким. У этого плача, который Заболотский считал отличным от других, мотивы — общие с украинскими народными плачами: „Скоро притече богородица, тщашеся текущи вслед Христа, и глаголаше в болезни сердца своего, слезящи: камо идеши, чадо мое? что ради течеши скоро? егда другий брак в Кана Галилеи, да тамо ли тщишися, сыне и боже мой? не молча отъиди от мене, сыне, рождшия тя; дай же ми слово, рабе твоей“.[4]

В похоронных украинских плачах содержатся все мотивы плача, приводимого Даниилом: „камо идеши, чадо мое? что ради течеши скоро?“: „куди ти сі выбираеш такий молоденький?“; „чого ж ти так скоро розлучаеш ся з нами?“; „не молча отыди от мене, сыне, рождшия тя; дай же ми слово, рабе твоей“: „подиви ся ще хоч раз на мене, стареньку, хоч слово ще промов до мене“.

Один из обычных мотивов украинских народных плачей — это сравнение похорон со свадьбой, если сын-покойник или дочь-покойница еще не были в браке: „Яке ж я тобі сумне весілля справляю?“.[5]

Для Христа этот мотив не подходил, и потому он заменен воспоминанием о браке в Кане Галилейской: „егда другий брак в Кане Галилеи, да тамо ли тщишися, сыне и боже мой?“.

Даниил черпал мотивы плача богородицы не из книг, а из современного ему словесного сопровождения похоронного обряда, влагая в уста богородицы местные мотивы на том же основании, на каком Сновь оказалась похожей на Иордан, а короп — любимой рыбой Христа.

Таким образом, анализ „Хождения“ с различных сторон — географической, словарной и фольклорной — приводит к заключению о южном, и именно черниговском, происхождении Даниила.

Всё это чувствовалось и воспринималось украинскими читателями „Хождения“ Даниила в более поздние века, в XVI—XVIII столетиях, когда появляются списки этого памятника, в которых усилены украинизмы в языке и даже содержание подверглось обработке, соответствующей религиозно-политическим интересам, связанным с борьбой украинского народа за свою веру.

---

[1] Норов, стр. 152.
[2] Русский филологический вестник, 1899, № 3—4, стр. 257.
[3] Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, у Львові, т. XCIII—XCIV, 1910.
[4] Норов, стр. 29.
[5] Похоронні голосіня. Зібрав Іляріон Свенціцький. Етнографічний збірник Наукового Товариства ім. Шевченка, тт. XXXI—XXXII, Львів, 1912, стр. 59—61.